

Б.Ямпольский, МОСКОВСКАЯ УЛИЦА ("Знамя", № 2-3, 1988)

В февральской и мартовской книжках "Знамени" напечатан роман Бориса Ямпольского "Московская улица".

Не всем знакомо имя автора, хотя, как явствует из журнальной вводки, он немало напечатал в 50-е и 60-е годы ("Дорога испытаний", "Мальчик с Голубиной улицы", "Молодой человек" и др.). Краткие сведения о нем сообщает КИЭ:

Ямпольский Борис Самойлович (1912 - 1972)... член Компартии с 1936 г. ... в семье служащего... работал в редакциях газет ... Лит ин-т... лирические зарисовки детства в маленьком местечке... был в осажденном Ленинграде, в партизанском отряде в Белоруссии... романтический пафос, соединенный с историзмом восприятия... на многие иностранные языки.

Рукопись "Московской улицы" спасли друзья покойного писателя. И вот она перед нами на страницах популярного журнала.

Московская улица - это все тот же Арбат, режимная улица, через нее проезжает вождь, следуя на дачу. Роман и писался приблизительно в одно и то же время с нынешним бестселлером. Но Арбат Ямпольского и Арбат Рыбакова - разные улицы, и Москва у них - две разных Москвы, в непохожих странах. Рыбаков обещает продолжить свою работу, довести героев до XX съезда, но он мог бы этого и не делать. Неминуемый апофеоз Саши Панкратова и так светит над его временными неприятностями. Можно перетерпеть беду, веря в светлое будущее. У героя Ямпольского светлого будущего нет.

Центральная часть романа называется "Бесконечный день". В этот день герой впервые замечает за собой слезку. Он то бесцельно мечется по городу, то, возвратившись домой, проваливается в короткий сон. Каждую минуту он ждет ареста.

Этот день - не безымянный, у него есть дата. В утренней "Правде" напечатано сообщение об аресте врачей-вредителей. Значит, это 13 января 1953 года, соображаем мы, значит, до смерти вождя остались считанные недели. Но это для нас. Для героя эти недели

равны вечности. Они никогда не пройдут, как Ахиллес никогда не догонит черепаху.

Герой, имени которого мы так и не узнаем, все время окружен людьми. Он живет в громадной, похожей на Ноев ковчег, коммуналке. Его комната, куда он снова и снова в течение этого бесконечного дня возвращается как зверь в нору — отнюдь не его крепость. В нее все время врываются то соседи, то собирающие макулатуру пионеры, то милиция с очередной рутинной проверкой документов. Трезвонит телефон. На улице, в магазине, в метро, в троллейбусе, в ресторане, на вокзале — люди, толпа, лица, голоса.

Герой беспредельно одинок. Его одиночество абсолютно. У него нет родных:

Я мог бы уехать к сестрам, ведь у меня были четыре сестры в разных городах, но в многочисленных анкетах в отделе кадров записаны все их адреса, и меня тотчас же найдут.

Или вот родственники. Но у меня не было родственников, то есть, наверно, они были, и дяди, и тети, и двоюродные и троюродные братья и сестры, которые, наверно, уже выросли, у которых были уже, наверно, взрослые дети, но большинство их я никогда не знал, а если и знал, то давно забыл, давно не видел, не интересовался родственными отношениями, считал это отсталостью и шутил над этим. Судя по себе, мне казалось, что в стране вообще не осталось родственных связей, казалось, они были давно разорваны, рассечены, раздроблены сначала гражданской войной, когда брат шел на брата, а потом классовой борьбой, когда сын не отвечал за отца, когда сын доносил на отца, а потом многочисленными мобилизациями, эвакуациями, подрывом всех родовых устоев и еще страхом. Страх разъединял кровных братьев и сестер, в серной кислоте страха таяло и исчезало все — любовь, привязанность, благодарность, взаимная помощь, и выручка, и совесть.

У него нет друзей:

Он снова сел в кресло и задумался. И вдруг лицо его исказилось.

— Я говорил тебе, не яйся с Люсиным. Сколько раз я тебе говорил?!

У него было искривленное от ненависти ко мне лицо.

Все знали, что он дружил со мной, и он знал, что все это знали.

— Говорил, что плохо кончится, скажи, говорил?

— Ну.

— Что — ну? Идиот. Расхлебывай, черт с тобой, раз ты такой болван, незачем других за собой тянуть.

Нет Бога:

И вдруг мне захотелось молиться, нет, не Богу, которого я не знал и не помнил и который никогда не являлся ни во сне ни наяву, над которым с детства смеялся, а тому высшему, всевидящему, всепрощающему, той правде любви, которая должна же быть на свете, помолиться страстно, бешено, плача, рыдая.

Нет любимой:

— Это ты звонила несколько минут назад? — жадно спросил я. — Ты, да?

Я сразу как-то успокоился, сразу как-то включился в мир, где есть люди, есть сестры, братья, любимые, где столько голосов, шепотов, интонаций, где есть вопросы и ответы, достоинство, терпимость, уважение. Все это еще есть? Еще есть?

— Ты что, спал? — спросила она.

— Нет.

— А почему у тебя голос такой странный? Ты болен?

— Нет, не болен.

— Я голоса твоего не узнаю, это ты?

— Я, я.

— Ну, что такое с тобой, что стряслось?

[Я молчал.

— Что ты молчишь? Что случилось?

[Я как бы все время чувствовал в телефоне третьего человека, казалось, разобрал его дыхание, его внимание.

— Нет ничего не случилось.

— Не нравится мне твое настроение. Я сейчас к тебе приеду.

— Не надо.

— Нет, я приеду.

— Я прошу тебя.

— Но мне нужно к тебе приехать, — сказала она.

— А в чем дело?

— Теперь она молчала, и я спрашивал.

— Что случилось?

— Этот разговор не для телефона.

— У тебя что-то случилось? Да?

В ответ — ку-ку, ку-ку, ку-ку... И непонятно было, это она повесила трубку, или разъединил тот, третий, и стало еще тревожнее.

Одиноким, отчаявшимся, замурованным в свое время, как букашка в смоле, он бродит по улицам, садится в троллейбус, выходит из троллейбуса, приходит домой, засыпает, просыпается, вспоминает свою жизнь, ест кету в ресторане, опять бредет по улице и ждет, ждет, ждет.

Читатель знает с самого начала, из пролога, что героя так и не арестуют. Известно, что в работе органов бывали сбои.

Роман Ямпольского резко отличается от обычных советских произведений на "культовые темы". Как известно, в литературе подобного рода необходимы: а) мучительные раздумья на тему "как это могло случиться"; б) вера, несмотря ни на что, в немеркнущий свет идеалов; в) мужество, питаемое упомянутой верой и сохраняемое в самых нечеловеческих условиях.

У Ямпольского, слава Богу, ничего этого нет, и это придает его роману особую силу и убедительность.

Напоследок еще одна цитата из воспоминаний героя.

И тут, сидя на высоких, круглых, обитых хрустящей вишневой кожей табуретах, чокаясь бокалами, выпили шампанское за Новый год. Мы пили за тех, которых тут нет с нами, и шепотом, скорее одними губами, одними глазами произнося тосты, выпили за тех, которых берут этой ночью прямо от елок и праздничных столов, срывая ордена и медали, с мясом срывая погоны, а потом выпили за тех, на которых только сегодня выписаны ордера, а потом за тех, на которых завтра выпишут ордера, а потом за тех, на которых только получены анонимные доносы. Так мы сидели и пили...